

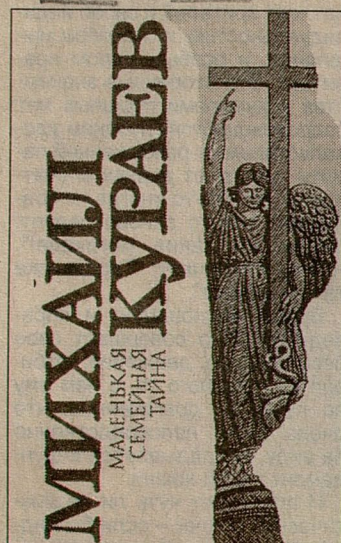
Кураев, - 1998 - 9-15 апр - с. 14

На полпути в неизвестном направлении

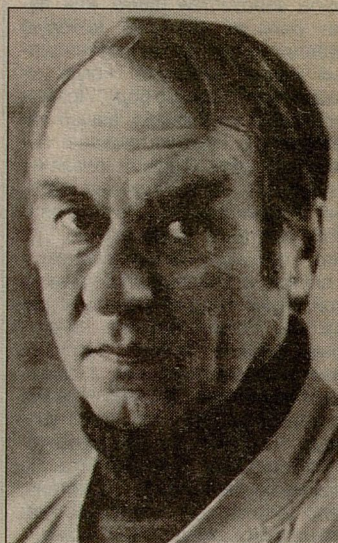
Михаил Кураев как писатель и публицист

В списке выдвинутых на соискание Государственной премии находим и петербургского писателя Михаила Кураева. Несколько слов о нем, но сначала, пожалуй, о самой премии. На фоне расплодившихся за последнее время литературных премий Государственная премия в ее литературном аспекте выделяется неоднозначностью. С одной стороны, признание твоих заслуг государством чрезвычайно престижно. Хотя этот престиж не всякому по вкусу. С другой стороны, понятно, что государство присуждает премию через своих порученцев, и вкус, и мотивы которых, хотя бы в силу анонимности этих порученцев, сомнительны и сама процедура присуждения лишена какой бы то ни было прозрачности. С третьей стороны, нынешняя Государственная премия — внучка Сталинской и племянница Ленинской. С четвертой — многие рассматривают ее как своего рода пособие по старости или бедности. Далее, получение Государственной премии означает сегодня для лауреата получение определенной, пусть и весьма солидной суммы, а вовсе не перемену участи, как это было некогда. И, наконец, провозгласив отказ от идеократического правления и вместе с тем необходимость выработки общенациональной идеологии, государство, похоже, само не знает, чего хочет. И кого.

К Михаилу Кураеву последнее явно не относится. Более того, Государственная премия, если он ее получит (по совокупности творчества, как это вытекает из названий и состава двух выдвинутых на премию сборников — "Маленькая семейная тайна", изд-во "Слово", М-а, 1992 и "Жребий № 241", изд-во "Книжная палата", М-а, 1996), им вполне заслужена. Выразусь даже опре-

деленнее: Государственная премия во всей ее обозначенной выше амбивалентности нашла бы и, хочется верить, найдет в Михаиле Кураеве адекватного собственным установкам, равно как и отсутствию таковых, лауреата. Одиннадцать лет назад, опубликовав повесть "Капитан Дикштейн" в "Новом мире", дотеле никому не известный и уже немолодой редактор "Ленфильма" Михаил Кураев проснулся знаменитым. Повесть волновала и очаровывала одновременно. Ей были присущи и новизна, и мастерство, и, что труднее и редкостнее всего остального, счастье соответствия ожиданиям современников. Ранний перестроечный дух в чистом виде и с выверенным мужским акцентом — без нафталина, соплей и слез, присущих многим бестселлерам того времени. Это было сведение счетов с прошлым, но само прошлое представало в повести Кураева многокрасочным, объемным и лишенным какой бы то

ни было карикатурности. В дальнейшем Кураев начал широко печататься — как с крупномасштабными произведениями, так и с рассказами, принялся выступать не только как прозаик, но и как публицист. Ненадолго переехал в Москву, а затем вернулся в Питер, стал членом, а потом и функционером демократического союза писателей и ПЕН-клуба. Увы, в творческом плане развитие первый успех ему не удалось: начались самоповторы, проявился дилетантизм, до поры до времени замаскированный, каждое новое произведение оказывалось, пусть и совсем ненамного, хуже предыдущего. А в результате собрание сочинений писателя, расположенных в хронологическом порядке, могло бы выйти под лозунгом: тех же щей да пожже влей. Впрочем, первые щей были столь хороши, а количество воды, которой писатель их разбавлял, было и остается настолько мизерным, что и сегодняшняя похлебка не лише-

на аппетитности.

Любопытна, а по-своему и уникальна гражданская позиция писателя. Принадлежа, как отмечено выше, к демократическому лагерю, совершая соответствующие ритуальные пассы и только с демократами по самоощущению дружа, Кураев в своей публицистике выступает с патриотических позиций, практически идентичных тем, что господствуют в стане его литературных недругов. Книга его публицистики "Путешествие из Петербурга в Ленинград", вышедшая под эгидой ПЕН-клуба, вызвала, однако же, такое отторжение коллег-демократов, что ее задолго до финиша сняли с пробега в номинации на престижную петербургскую премию "Северная Пальмира". Кураев у демократов, несомненно, является чужим среди своих, но и патриоты его своим среди чужих не признают. Кураев как писатель и публицист существует не столько в вакууме, сколько в заведомо ложной, заведомо двусмысленной ситуации, из которой не просматривается разумного выхода. Но это же обстоятельство внушает определенную надежду и на новый творческий взлет: инерционным сочинительством такую стену, какой сознательно или невольно окружил себя писатель, не прошибешь — необходимо сверхусилие, которое просто не может быть чем-нибудь иным, кроме творческого прорыва.

А пока суд да дело, перед нами действующий и талантливый писатель, демопатриот или патриодемократ, как ни обзови. Но кому же присудить Государственную премию, как не ему? При том условии, что премия имеет какой-то высший смысл и не сводится к выплате денежного пособия.

Виктор ТОПОРОВ